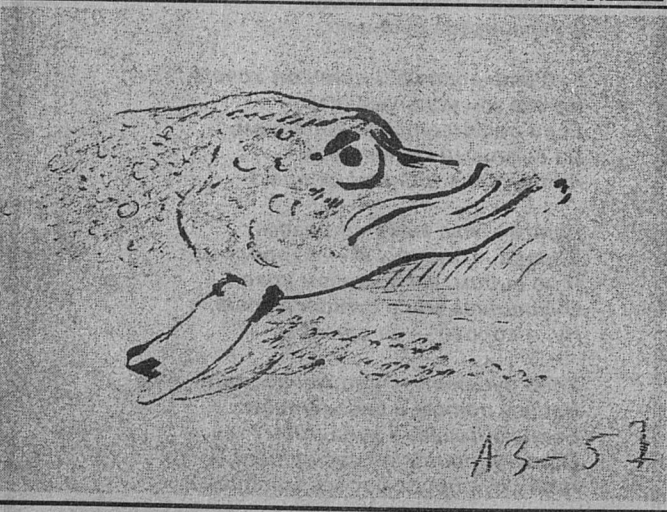
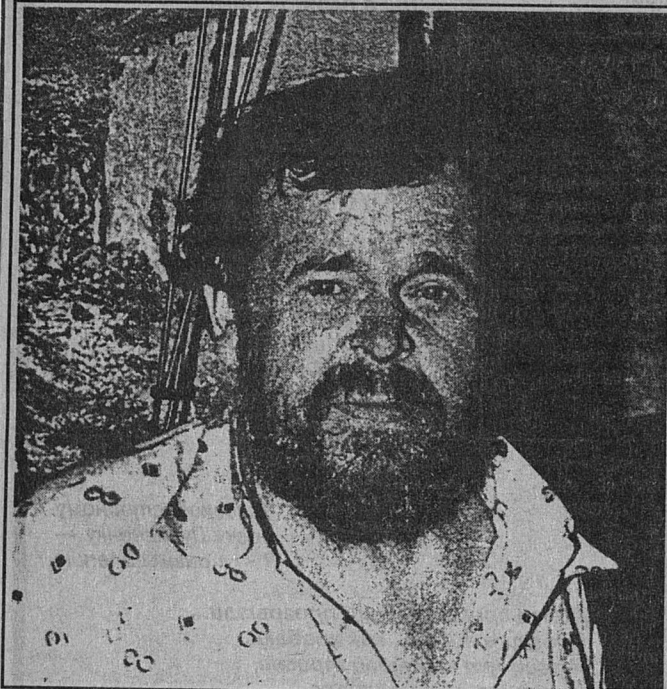
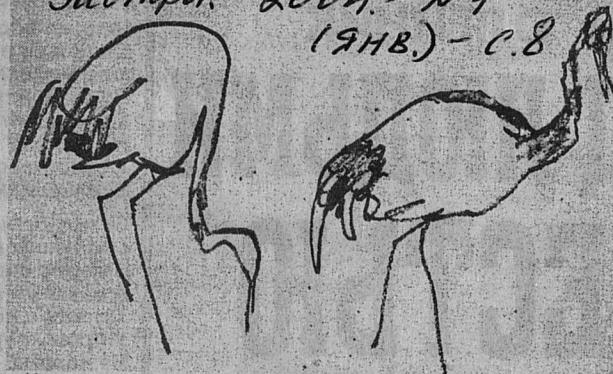

ЗВЕРЕВ

Завтра. - 2004. - №1
(9НВ.) - с.8

Кто только из служителей прекрасного не пошел в "славные шестидесятые" через "бункер", как друзья называли мою полуподвальную мастерскую в одном из тихих переулков между тогдашними Кропоткинской и Метростроевской. В скольких подобных бункерах и мансардах довелось побывать и мне, беззаботно бранничая, а заодно присматриваясь к творениям гостеприимных хозяев, преуспевающих, полупризнанных или вовсе запрещенных облеченными властью начальниками культуры. "Иных уж нет, а те далеке". С некоторыми художниками я подружился на всю жизнь, полюбил их искусство и привязанностей своих менять не намерен — возраст не тот. Те, которые далеке, уверенно завоевывают временное место под солнцем, поддерживаемые крупными и мелкими галерейщиками, действующими теперь не только "за бугром", но и в России. Бог им в помощь, как говорится, но меня их творчество мало волнует, ибо чаще всего это лишь "бледный отсвет царственной тени прошлого": ведь лучшие проявления классического русского авангарда могут быть лишь объектом для подражания, но заново пережить и повторить их никому не дано. А вот то, что создавал в период с 1955 по 1965 год Анатолий Зверев, сразу становилось классикой, хотя мало кто это признавал тогда, да и сейчас многим выгодно придерживаться противоположной точки зрения.

В отличие от официальных художников и искусствоведов, по долгу службы не замечавших творческих проявлений Анатолия Зверева, люди, казалось бы, непричастные к творчеству, смогли угадать этот недюжинный талант уже в начальной его стадии. Георгий Костаки и Дмитрий Апазидис — греки, родившиеся и большую часть жизни прожившие в России, немало сделали для сохранения работ и прославления художников, не пришедшихся "ко двору" живых и мертвых мастеров изобразительного искусства. Сейчас весь мир знает о подвиге сотрудника канадского посольства в Москве Г. Костаки — открывателя и спасителя богатейшего наследия

многих представителей русского авангарда. С триумфом прошли в музеях Европы и Америки выставки из той части собрания Костаки, которую ему удалось вывезти с собой в вынужденную эмиграцию. Ни одна крупная экспозиция современного искусства, устраиваемая Третьяковской галереей, не обходится без привлечения вещей из коллекции Костаки, щедро подаренных собирателем московскому музею.

Дмитрий Апазидис гордится тем, что его вдохновителем и учителем в деле собирания произведений русского искусства был Георгий Дионисиевич Костаки. Основная страсть Дмитрия Николаевича — русская икона, которую он любит и знает досконально. В его коллекции хранятся первоклассные образцы иконописи XV-XIX веков. Все они отреставрированы лучшими нашими мастерами и могут оказать честь самому хорошему музею. Вторая привязанность собирателя, живущего ныне в Швеции, — творчество Анатолия Зверева. С самых первых шагов художника Апазидис и Коста-

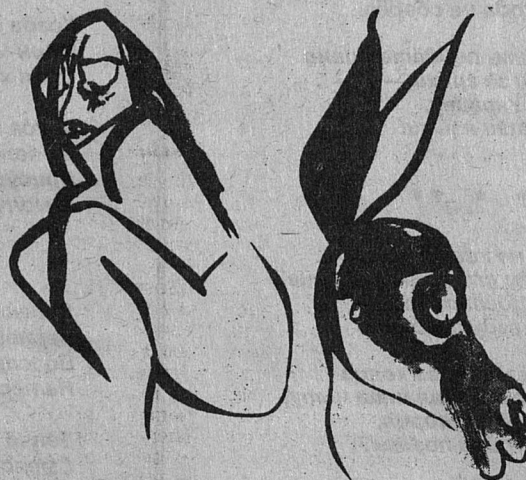
тера прежде всего в том, что он соединил почти уничтоженный русский авангард с современным искусством. Выставка в Стокгольме — очень малая часть из наследия художника. И это при полном отсутствии средств не только на свою мастерскую, но подчас на холсты и кисти. Посмотрите вот на этот портрет молодой женщины — можно ли догадаться, что картину, начатую красками, уже пришлось завершать... зубным порошком? И при такой скудности средств поразительное совершенство техники. Талант у Анатолия был, как говорится, от Бога. Художественной школы он не закончил — с учителями спорил, искал свое. Ранние картины Зверева позволяют, на мой взгляд, утверждать, что именно он был родоначальником ташизма — той разновидности абстрактного искусства, в которой экспрессия достигается свободными мазками и пятнами. Однако официально приоритет в этом направлении отдается американцу Поллу Оку, французсу Сула-жу, голландцу Аппелу. О Звереве многие и не знают. К величайшему сожалению, большинство картин тех лет уничтожено — так, в пионерлагере, где Анатолий работал маляром, их просто выбросили на свалку...

Когда я в последний раз встречался в Афинах с Ге-

ОН ДЕЛАЛ, ЧТО ХОТЕЛ...

оргием Дионисиевичем, он, несмотря на тяжелый физический недуг, восторженно говорил мне о творчестве Анатолия Зверева, любовно рассматривая уцелевшие при пожаре на его даче в Баковке ранние работы "русского Ван Гога", как он всегда называл его. После смерти Г. Костаки мы вместе с Д. Апазидисом и А. Костаки дали слово показать искусство Анатолия Зверева в выставочных залах разных стран, чтобы все смогли убедиться, как даровит и неповторим этот художник. Мы не включили в эту выставку произведения позднего периода творчества А. Зверева. К сожалению, они не идут ни в какое сравнение с работами 1955-1965 годов, ибо на эти годы пришелся расцвет творчества А. Зверева.

Анатолий Зверев скончался в 1986 году. Преждевременность этой смерти подготовлена всей его жизнью — раскрепощенная, не защищенная от каких-либо условностей, она имела и свою оборотную сторону — необеспеченность, богомность... Он делал, что хотел, говорил всегда только правду, поступал исключительно по совести. Судьба этого художника очень типична для многих талантливых сынов России. В наследие он оставил свое творчество — светлое и неповторимое. Без него сегодня уже невозможно представить развитие мирового искусства в нынешнем столетии.

Савва ЯМЩИКОВ